

Дж. Ст. Милль

Речь в защиту смертной казни (1868)*

...Я был бы очень рад, если бы мог поддержать это ходатайство. Я всегда сожалею, когда по общественному вопросу оказываюсь в оппозиции к тем, кого называют — иногда с почтением, иногда желая высмеять — филантропами. Из всех людей, которые принимают участие в общественных делах, именно к ним я испытываю наибольшее уважение, поскольку их отличительная черта состоит в том, что они отдают свое время, свой труд и значительную часть своих денег на общественные цели, в меньшей степени, чем любой другой класс политиков, руководствуясь соображениями как личной, так и классовой эгоистичности. Едва ли найдутся политики, столь же твердо и неизменно стоящие на стороне справедливости почти по всем существенным вопросам. Они редко ошибаются, их ошибка состоит лишь в догматичном применении некоторого справедливого и очень важного принципа. Мы все хорошо знаем их выдающийся вклад в ту самую проблему, которую сейчас рассматриваем. Благодаря именно их усилиям наши уголовные законы, по которым на моей памяти людей вешали за кражу в 40 шиллингов, — законы, благодаря которым поднимающиеся на Ладгейт Хилл или спускающиеся с Ладгейт Хилл могли видеть ряды повешенных перед Ньюгейтской тюрьмой, утратили

* *Mill J.S.* Speech in favour of capital punishment // *Applied Ethics (Oxford readings in philosophy)* / P.Singer, ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. P. 97–104.

свою самую отвратительную и самую бессмысленную жестокость. Так что убийство с отягчающими обстоятельствами — почти единственное преступление, которое карается смертью по приговору любых наших правомочных судов, и сейчас мы даже раздумываем, должно ли исключительное наказание быть сохранено в этом единственном случае. Этим огромным обречением не только для человечества, но и для целей уголовного права мы обязаны филантропам. И если они ошибаются в данном случае, а я не могу не считать, что они ошибаются, то лишь в непонимании нужного времени и нужного места для приостановки деятельности до настоящего момента чрезвычайно благотворной. Сэр, существует момент, в который, я полагаю, эту деятельность следует остановить. Когда кто-либо был уличен посредством неопровержимого доказательства в совершении тяжелейшего из известных праву преступлений, и когда сопутствующие обстоятельства не смягчают вину, не дают никакой надежды на то, что подсудимый хотя бы до совершения этого преступления не был недостойн жить среди людей, — ничего, что указывало бы на возможность того, что преступление было скорее исключением для его характера в целом, нежели его следствием; тогда я думаю, лишить преступника жизни, которой он показал себя недостойным, — торжественно вычеркнуть его из человеческого сообщества и из списка живущих — это самый подходящий способ, поскольку является безусловно самым впечатляющим. Посредством него общество может применить к такому тяжкому преступлению необходимое в целях безопасности жизни уголовно-правовое последствие. Я отстаиваю это наказание, если его применение ограничено жестокими случаями, на том самом основании, на котором оно обычно критикуется, — на основании гуманного отношения к преступнику как несравнимо наименее жестокий способ, с помощью которого можно эффективно удержать от преступления. Если, испытывая ужас от назначения наказания смертной казнью, мы будем добиваться изобретения некоторого наказания для живого преступника, которое будет обладать для человеческого разума сдерживающей силой, хоть сколько-нибудь сравнимой со сдерживающей силой наказания смертной казнью, мы придем к наказаниям действительно менее суровым по видимости

и, следовательно, менее эффективным, но гораздо более жестоким в реальности. Немногие, я думаю, рискнули бы предложить в качестве наказания за убийство с отягчающими обстоятельствами нечто меньшее, чем пожизненное тюремное заключение и тяжелый труд. Такова судьба, к которой милосердие приговорило бы убийцу, уклоняясь от предания его смерти. Но было ли достаточно продумано, что это за милосердие и какую жизнь оно оставляет убийце? Если наказание не применено по-настоящему, если оно становится симуляцией, в которую несколько лет назад такие наказания стали стремительно превращаться, тогда действительно его назначение было бы равносильно практически полному отказу от попытки обуздать убийство. Но если оно по-настоящему соответствует своему назначению и если оно осуществлено в общественном воображении во всей его суровости — таким, каким оно вероятно не будет в реальности, но каким оно должно быть, чтобы быть действенным, то это наказание будет настолько ужасающим, что, когда преступление уже не так свежо в памяти, возникнет почти непреодолимая трудность в его реализации. Как же в самом деле можно сравнивать, с точки зрения суровости, приговор человека к кратковременной боли от быстрой смерти, с заключением его в живую могилу, с жалким и вероятно долгим существованием в тяжелейшем монотонном труде без каких-либо облегчений или поощрений, лишенным всех приятных видов и звуков, малейшей надежды, за исключением незначительного ослабления физического ограничения или ничтожного улучшения питания? И все-таки даже такая судьба, как эта, повсеместно считается более мягким наказанием, чем смерть, во всех кодексах оно выступает в качестве смягчения высшей меры наказания и с благодарностью в этом качестве принимается, поскольку в этом наказании нет ни одного момента, когда страдание доходит до ужасающей глубины и, прежде всего, поскольку в нем нет элемента неизвестности, такого внушительного для воображения. Поскольку данные черты характеризуют все наказания, которые в своей эффективности зависят от длительности — следовательно, все те, которые, не являются телесными или денежными, — то они являются более суровыми, нежели кажутся. Между тем одно из самых сильных качеств, которое

может иметь наказание, напротив, состоит в том, чтобы оно выглядело более суровым, чем является на самом деле, поскольку его практическая сила гораздо меньше зависит от того, каким оно является в действительности, чем от того, каким оно кажется. Я думаю, что не существует никакого другого человеческого наказания, которое производило бы настолько большее по сравнению с его реальной суровостью впечатление, как наказание смертной казнью. То наказание должно быть поистине мягким, которое не добавляет ничего большего к сумме человеческого страдания, нежели неизбежно, или естественно добавляется наказанием преступника. Как отметил мой distinguished друг, член Парламента от Нортамптона (г-н Гилпин), самое большое, что могут сделать законы в отношении смерти, — так это ускорить ее. Человек умрет в любом случае, не намного позже и, я боюсь, в среднем, испытывая значительно большие физические страдания. Общество просит в таком случае отказаться от инструмента наказания, которое в тяжких случаях, к каким оно единственно приложимо, служит своим целям ценой меньшего человеческого страдания, чем какое-либо другое, и которое, хотя и внушает больше ужаса, является менее жестоким в действительности, чем любое наказание, которое мы должны считать его заменой. Мой distinguished друг говорит, что оно не внушает ужаса и что опыт доказывает его несостоятельность. Но влияние наказания не должно оцениваться с точки зрения его воздействия на закоренелых преступников. Те, кого обычный образ жизни все время держит, так сказать, в поле досягаемости виселицы, все меньше беспокоятся об этом; как, если сравнивать хорошие вещи с плохими, старого солдата не слишком трогает возможность умереть в битве. Я могу признать все, что часто говорится о равнодушии профессиональных преступников к виселице. И хотя, вероятно, это безразличие на треть — бравада, на другую треть — уверенность, что удача позволит им улизнуть, вполне возможно, что на оставшуюся треть оно реально. Однако эффективность наказания, которое действует главным образом через воображение, должна быть измерена прежде всего тем впечатлением, которое оно производит на еще невинных — тем ужасом, которым оно окружает первые порывы к проступку, сдерживающим

воздействием на лишь зарождающуюся мысль, которая, если ей потворствуют, станет искушением; а также той сдерживающей силой, которую наказание прилагает к постепенному, никогда не случающемуся вдруг, соскальзыванию в состояние, в котором преступление больше не вызывает отвращения и наказание больше не ужасает. А кто может судить о том, что называют несостоятельностью наказания смертной казнью? Мы знаем в некоторой степени тех, кого оно не отпугнуло, но кто из присутствующих здесь знает, кого оно отпугнуло или скольких людей, которые могли бы стать убийцами, если бы с младенчества идея убийства не сплеталась бы с этой ужасной ассоциацией, оно спасло? Давайте не забывать, что самое внушительное событие теряет свою власть над воображением, если становится обыденным. Когда наказание, применяемое только в случае самых зверских преступлений, применяется без разбора к небольшим правонарушениям, человеческие чувства восстают против него и оно действительно перестает устрашать, потому что в него перестают верить. Неэффективность высшей меры наказания в случаях воровства легко объяснима, вор не верит, что оно будет применено. Он знает по опыту, что присяжные заседатели скорее станут лжесвидетельствовать, чем признают его виновным, что судьи используют любой предлог для того, чтобы не приговаривать его к смерти или чтобы рекомендовать помилование, и что даже если ни присяжные заседатели, ни судьи не будут к нему благосклонны, все еще останется надежда на власть, которая может быть применена как к тем, так и к другим. Когда все складывается таким образом, самое время отказаться от тщетной попытки. Даже когда невозможно применить наказание или когда применение наказания превращается в публичный скандал, пустая угроза не может слишком быстро исчезнуть из свода законов. Я искренне рад тому, что стало невозможно исполнять закон ввиду множества правонарушений, которые по этому закону формально должны были бы караться смертью. Если такое же состояние общественных чувств проявляется в случае убийства, если приходит время, когда присяжные отказываются считать убийцу виновным, когда судьи не приговаривают его к смерти или рекомендуют его помиловать, или когда присяжные и судьи не уклоня-

ются от исполнения своего долга, Министерство внутренних дел под давлением депутатов и петиций уклоняется от исполнения своего, и устрашение становится, как и в других случаях, всего лишь *brutum fulmen*¹ — тогда и в самом деле необходимо будет сделать то же, что и в других случаях — отменить наказание. Это время может прийти. Мой достопочтенный друг думает, что оно пришло. Я не знаю, сокрушается он по данному поводу или гордится, но он и его друзья имеют право на гордость, поскольку если такое время приходит, то в этом их заслуга, и они одержат победу, которую я не могу не назвать роковой, так как они добьются ее, провоцируя — да простятся мне эти слова — расслабленность и изнеженность в общем духе страны. В силу чего еще, помимо изнеженности, намного большее потрясение вызывает лишение человека жизни, чем лишение его всего того, что делает жизнь желанной или ценной? Кроме того, является ли смерть самым большим из земных несчастий? *Usque adeone mori miserum est?*² Является ли смерть действительно столь ужасной? Не состояло ли издревле воспитание мужественности главным образом в том, чтобы заставить нас презирать смерть, приучая нас если и признавать ее злом вообще, то никоим образом не первым в списке зол; во всяком случае — считать смерть неизбежным злом и держать нашу жизнь, так сказать, в своих руках, быть готовыми отдать ее или рисковать ею в любой момент ради действительно достойной цели? Я уверен, что мои достопочтенные друзья также знают обо всем этом и они испытывают многие из тех чувств, что и любой из нас, а возможно, и больше. Но я не могу считать такие чувства результатом воздействия их учения на общее состояние духа. И я не могу считать, что воспитание особой совестливой чувствительности по одному этому вопросу, приоритетное по отношению к обычному воспитанию моральных чувств, обоснованно совместимо с приписыванием факту смерти лишь относительной значимости в ряду других проявлений нашей человечности. Старики немного заботятся о смерти и отдают

¹ *brutum fulmen* (лат.) — пустые угрозы. — *Прим. пер.*

² *Usque adeone mori miserum est* — Так ли гибель страшна? (*Вергилий. Энеида* (XII, 646) / Пер. С.Ошерова; под ред. Ф.Петровского). — *Прим. пер.*

собственную жизнь или берут жизнь других с одинаковым равнодушием. Грозящая нам опасность противоположного рода — как бы не оказаться настолько сильно потрясенными смертью в обыденной жизни и в теории, чтобы предаться чрезмерным о ней заботам в тех индивидуальных случаях, касающихся как других людей, так и нас самих, в которых требуется рисковать. Я не усугубляю положение дел, поскольку опытом других стран доказано, что ужас перед палачом никоим образом не тождественен ужасу перед наемным убийцей. Как все мы знаем, цитаделью наемного убийства в XVIII в. была Италия, хотя и говорят, что в некоторых итальянских районах смертный приговор, вынесенный по закону, был в высшей степени оскорбительным и отвратительным для народного чувства. Много было сказано о священности человеческой жизни и абсурдности предположения, что мы можем учить уважению к жизни, разрушая ее. Но я удивлен использованию этого аргумента, поскольку он может быть выдвинут против любого наказания. Не просто человеческая жизнь, не человеческая жизнь как таковая должна быть священной для нас, а человеческие чувства. Мы должны заставить уважать человеческую способность к страданию, а не просто способность к существованию. Можно представить, что некто спрашивает, как мы можем учить людей не причинять страдания, в то время как сами причиняем их? На это я должен ответить, и каждый из нас так бы ответил, что удержать страданием от причинения страдания не только возможно, но и составляет цель уголовного права. Разве штрафование преступника демонстрирует недостаток уважения к собственности или заключение его в тюрьму — к личной свободе? Точно так же неразумно считать, что лишить жизни человека, который лишил жизни другого, значит продемонстрировать недостаток уважения к человеческой жизни. Мы, напротив, самым решительным образом демонстрируем наше уважение к ней посредством принятия закона о том, что тот, кто нарушает данное право другого, сам утрачивает его, и что если никакое другое преступление, которое он может совершить, не лишает права на жизнь, то данное — лишает. Существует один аргумент против смертной казни даже в крайних случаях, который несомненно является сильным. На этом аргументе мой достопочтенный друг

справедливо делает акцент, и от него никогда нельзя будет полностью освободиться. Он состоит в том, что, если в силу ошибки правосудия невинного человека предадут смерти, эту ошибку никогда уже нельзя будет исправить, любая компенсация, любое исправление ошибки невозможно. Это было бы действительно серьезным возражением, если бы такие печальные ошибки в ряду других самых трагичных случаев во всех человеческих делах нельзя было бы сделать крайне редкими. Данный аргумент не преодолит там, где механизм уголовного судопроизводства представляет опасность для невинных или там, где нет доверия судам. Вероятно, именно по этой причине возражение против необратимого наказания возникло (как я думаю) раньше и является более сильным и более распространенным в некоторых частях Европы, нежели здесь³. На европейском континенте есть великие и просвещенные страны, в которых уголовное судопроизводство неблагоприятно для невинных и не обеспечивает такую же защиту от ошибочного приговора, как у нас. Есть страны, в которых суды считают, что они не исполняют своего долга, пока не вынесут решения в отношении какого-нибудь виновного, и в своем поистине похвальном желании изгнать преступление из потайного места чрезвычайно рискуют осудить невинного. Если наше собственное уголовное судопроизводство и суды дадут основание для подобного опасения, я первым буду настаивать на лишении таких судов власти налагать необратимые наказания. Но все мы знаем, что недостатки нашего судопроизводства совершенно противоположные. Наши правила доказательства даже слишком благоприятны для заключенного. И присяжные, и судьи придерживаются максимы «лучше, чтобы десять виновных избежали наказания, чем пострадал один невинный» буквально и делают даже больше того, чем она требует. Судьи изо всех сил стремятся привлечь внимание к малейшей возможности допущения невинности заключенного, а присяжные принимают эту возможность во внимание. Ни одно человеческое суждение не является непогрешимым, и такие печальные случаи, какие приводит мой достопочтенный друг, иногда будут иметь место. Но в нашей

³ То есть в Соединенном Королевстве. — *Прим. пер.*

системе в таком серьезном случае, каким является убийство, преимущество всегда будет на стороне обвиняемого, если существует всего лишь тень сомнения в его виновности. Это наводит на другое соображение, очень уместное в данном случае. Сам факт того, что наказание смертной казнью больше поражает наше воображение, чем любое другое наказание, неизбежно заставит суды быть более скрупулезными в требовании самого полного доказательства вины. Самое главное возражение против смертной казни — невозможность исправить однажды совершенную ошибку — должно заставить и заставляет присяжных и судей быть еще более внимательными при формировании своего мнения и более бдительными при тщательном исследовании доказательства. Даже если замена каторжных работ смертью в случаях убийства сопровождалась заверением в приверженности такой добросовестной скрупулезности, большим злом будет противостоять возможности пользоваться, я надеюсь нечасто, реальным правом оправдания осужденного человека, невиновность которого открыли впоследствии. Для того, чтобы такая возможность исправления ошибки сохранялась, даже если вероятность этой печальной случайности чрезвычайно мала, судьи вполне обоснованно могут рекомендовать Короне смягчить приговор, не только когда доказательство вины вызывает малейшее сомнение, но и всякий раз, когда в деле остается что-то необъяснимое, загадочное, когда возникает потребность в последующих разъяснениях или когда существует вероятность получения дополнительной информации в некотором будущем. Я также предложил бы, чтобы всегда в случае смягчения приговора, основания, по которым он был смягчен, были бы обнародованы в какой-либо установленной законом форме. Таким образом, во многом я с готовностью уступаю моему достопочтенному другу. Но я надеюсь, что по вопросу о полной отмене смертной казни чувства страны не на его стороне и что ограничение применения смертной казни к случаям, упомянутым в Билле прошлого года, в целом будет признано обоснованным. Существовавшая недавно мания к сокращению наказаний, думается, исчерпала себя вовремя. Нам грозила опасность остаться без всякого эффективного наказания за исключением наказаний за мелкие правонарушения. Еще

недавно бывшая вторым по значимости наказанием и упраздненная, высылка на каторгу практически стала восприниматься как награда. Заменявшие ссылку каторжные работы⁴ становятся для приговоренных к ним почти номинальным наказанием, настолько комфортабельными сделали мы наши тюрьмы и настолько просто выбраться из них. О телесных наказаниях — самых возмутительных в обычных случаях и чрезвычайно уместных в случаях особо жестоких преступлений, особенно преступлений против женщин — мы бы и слышать не хотели, разумеется, за исключением случаев разбойного нападения путем удушения с целью грабежа. Исключительно в отношении этих преступлений мы спешно восстановили телесное наказание сразу же после того, как такому нападению подвергся член Парламента. За исключением такого рода правонарушений, даже зверские преступления, как правильно замечает мой distinguished ученый друг, член Парламента от Оксфорда (г-н Нит), не только раньше наказывались, но и сейчас наказываются до смешного неадекватно — так, что преступление почти поощряется. Я полагаю, Сэр, что в случае большинства правонарушений за исключением правонарушений против собственности мы больше нуждаемся в усилении наших наказаний, нежели в их смягчении. Наша уголовная система нуждается в реформе, которая будет способствовать вынесению более суровых приговоров и их равномерному распределению среди всех видов правонарушений, и это будет в большей степени удовлетворять моральные чувства сообщества. Следовательно, я буду голосовать против поправки.

Перевод О.В. Артемьевой

⁴ В Британии наказание в виде высылки на каторжные работы (transportation) было введено в начале XVIII в. Приговоренные преступники направлялись отбывать наказание в американские колонии. После американской революции в 1775 г. их стали направлять в Австралию и Тасманию, а в 1857 г. это наказание было отменено полностью и его заменили введенным в 1853 г. наказанием каторжными работами (penal servitude) без высылки из страны (см.: <http://www.schools.bedfordshire.gov.uk/gaol/background/t&p.htm> — 30.03.2008). — *Прим. пер.*